

Акад. В. В. Струве

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕГО КРИТА

Для правильного понимания исторического процесса, протекавшего в странах восточного Средиземноморья в III—II тысячелетиях до н. э., весьма важно разрешение вопроса о том, что представляло собой в эту эпоху критское общество. Крит II тысячелетия по уровню общественного развития занимает как бы промежуточное место между древневосточными государствами и странами Балканского полуострова.

Вопрос об общественном строе древнего Крита в эту так называемую «минойскую» эпоху служил предметом широких дискуссий в советской историографии (см. ВДИ, 1940, № 2, стр. 204—228). О характере производственных отношений, складывавшихся в III—II тысячелетиях на Крите, высказывались самые различные, нередко взаимно исключающие друг друга мнения. Например, Б. Л. Богаевский утверждал, что общество Крита переживало в эту пору одну из стадий первобытно-общинного строя, и говорил о существовании матриархата на Крите даже в период максимального расцвета, в середине II тысячелетия до н. э. Однако подавляющее большинство советских историков отвергло эту точку зрения. Анализ многочисленных памятников материальной культуры Крита, особенно последнего периода существования «минойской» культуры, неоспоримо показывает, что Крит того времени давно прошел тот период развития производственных отношений, когда «...люди удовлетворяли свои потребности преимущественно посредством первобытного земледелия»¹ и когда для семейных отношений был характерен матриархат. В результате многовекового развития на Крите во II тысячелетии уже образовалось классовое общество с государством типа ранних восточных монархий. Это определение общественного строя Крита того времени основывается на указаниях И. В. Сталина о том, что классовое общество возникает в эпоху металлических орудий.

Таким образом, предполагать, что на Крите с его развитой металлургией существовал еще первобытно-общинный строй, было бы неправильным архаизированием критского общественного строя. Конечно, в этом раннеклассовом обществе имелось большое количество пережитков первобытно-общинных учреждений, значение которых должно быть понято исследователями «минойского» Крита. Перед советскими историками стоит еще немаловажная задача: уточнить, каким стадиям развития рабовладельческого общества стран древнего Востока соответствовал общественный строй Крита отдельных «минойских» периодов.

¹ И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. 1, стр. 311.

Творческому изучению социального развития восточного Средиземноморья в III—II тысячелетиях до н. э., предпринятому советской наукой, противостоит антиисторическая схема Эд. Мейера, господствующая в различных вариантах в буржуазной науке. По этой схеме во всей Греции в период до VII в. до н. э., в частности и на древнем Крите, существовали феодальные отношения. Примером может служить книга Д. Пендлбери «Археология Крита». Автор ее говорит о «замках феодалов-разбойников на неприступных скалах Карфи, Калуси, Врокастро и ущельях Закроса» и видит «минойский рыцарский знак отличия» на одной из рельефных фигур кноссского дворца¹. Подобное определение социального строя Крита находится в полном противоречии с действительным ходом исторического процесса.

Одним из решающих источников при определении социально-экономического строя критского общества являются письменные памятники Крита, а именно те тысячи покрытых письменами глиняных табличек, которые составляют архивы Кносса и Феста. Исследования последних десятилетий показали, что критская письменность, зародившаяся в виде пиктограмм еще в конце III тысячелетия до н. э., превратилась к середине следующего тысячелетия в сложную систему слогового письма. Несмотря на то, что расшифровка критской письменности этого времени еще не может считаться завершенной, все же можно сделать некоторые определенные выводы. Чешский ученый Б. Грозный, приступивший в последние годы к дешифровке критских письменных памятников, истолковал целый ряд преимущественно пиктографических надписей. Эти тексты показывают, что на Крите существовало сложное хозяйство и что многие общины регулярно присылали налоги натурой, металлическими слитками и людьми. Цель присылки последних — мужчин, женщин, мальчиков и девочек — еще не выяснена. Таким образом, исследования Грозного показали, что минойское общество времени существования архивов Кносса и Феста никак не может быть определено как первобытно-общинное.

Само собою разумеется, что критское общество II тысячелетия до н. э. — это еще далеко не развитое рабовладельческое общество, как, например, поздний Шумер с его чрезвычайно сложным бюрократическим аппаратом, с колоссальным размахом и поразительной тонкостью бухгалтерского учета. Система хозяйства, нашедшая свое отражение в отчетных документах Кносса и Феста, соответствует скорее всего тому хозяйству, с которым мы сталкиваемся в табличках древнейшего архива Урука, датируемых концом IV тысячелетия до н. э. В их письме также обильны пиктографические элементы. Очевидно, на Крите II тысячелетия, как и в Шумере конца IV тысячелетия, первобытно-общинный строй сменился раннерабовладельческим, сохраняя, однако, много пережитков первобытно-общинного строя.

О существовании государства на Крите свидетельствует наличие подземной темницы в виде колодцев в Кноссе. Вспомним ленинское определение той «силы», которая называется государством. Она состоит «в особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее»². На централизацию критского государства косвенным путем указывает и отсутствие укреплений вокруг критских дворцов и поселений той эпохи. Повидимому, большая часть Крита была объединена в политическом отношении; от угрозы со стороны моря надежно защищал флот, который вместе с тем обеспечивал морскую торговлю, о чем свидетельствуют многочисленные археологические данные как на самом Крите, так и вне его.

¹ J. D. C. Pendlebury, The Archaeology of Crete, 1940, стр. 16, 198 и 225.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 361.

Наблюдение это находит свое подтверждение и в последующей греческой традиции, несомненно заслуживающей доверия. Согласно греческой традиции, сохранившейся не только в эпосе, но и в историографии, на Крите в древнейшее время существовало единое государство, которым управлял обладавший сильным флотом царь Минос. Геродот называет Миноса «Кносским» и причисляет его к «владыкам моря», предшествовавшим Поликрату, тирану Самоса (III, 122). Согласно Геродоту, Миносу были подвластны карийцы, которые хотя и не платили ему дани, но зато «поставляли экипаж для кораблей всякий раз, когда требовал того Минос. В то время, как Минос покорил уже многие земли и прославился военными удачами, карийский народ был тоже знаменитейшим из народов» (I, 171). Из только что приведенного отрывка Геродота следует, я полагаю, что самого Миноса последний причислял к другому племени, которое подчинило себе карийцев. Фукидид, повествуя также о мощной морской державе Миноса, говорит не только о покорении карийцев, но даже и об изгнании их Миносом с островов греческого моря: «Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладев большей частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей» (Th u c., I, 4). Сообщение Фукидида о колониях, основанных Миносом, по мнению некоторых исследователей, находит себе подтверждение в том обстоятельстве, что в области древнего Средиземноморья имеется ряд городов с именем «Миноя».

Что же касается сообщения Геродота и Фукидида о пребывании в древнейшее время карийцев на островах Эгейского моря, то Фукидид сам приводит в пользу этого утверждения следующий весьма убедительный аргумент: «Ничуть не меньше занимались разбоем и островитяне, а именно карийцы и финикияне, заселившие большинство островов. Вот доказательство этого: когда афиняне во время этой [т. е. Пелопоннесской] войны очищали Делос и удалили все гробницы, бывшие на острове, то больше половины погребенных в них покойников оказались карийцами; их признали по вооружению, положенному вместе с ними в могилы, и по способу погребения, до сих пор существующему. С образованием флота взаимные сношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами» (I, 8, 1—2).

Эти известия Геродота и Фукидида о вытеснении карийцев греками с островов Эгейского моря находят свое подтверждение не только в свидетельстве последнего о «раскопках» афинян в эпоху Пелопоннесской войны, но также и в сообщениях египетских надписей и папирусов второй половины Нового царства, а также и Библии. Из последней группы источников мы узнаем о народе «сакара», который вместе с другими «народами моря» участвовал в нападениях на Египет, а затем осел на побережье Палестины. Мною еще раньше было доказано, что название «сакара» является одним из диалектологических вариантов этнического названия «карийцы» греческих текстов и «крети» Библии. «Сакара» египетских источников и библейские «крети» всегда упоминаются в связи с филистимлянами. Последние, согласно свидетельству Библии, были выходцами из Крита; так же как и «сакара»||«крети», они осели на юге восточного побережья Средиземного моря.

Фукидид видел в Миносе, согласно общему контексту вышеприведенных отрывков его труда, представителя народа эллинов. О Миносе как греке говорит и Диодор (IV, 60). О том, что Минос был связан с греческой эпохой истории Крита, говорит и то, что он живет полноценной жизнью в греческом эпосе. Возможно даже, что воспоминание о его дер-

жаве отразилось в описании общества феаков в «Одиссее». Поэтому в предании о Миносе и его державе можно видеть легендарную традицию о первом периоде истории греческого народа, а именно периоде преобладания ахейских племен. Ахейский период державы Миноса начинается с конца XV в. до н. э., когда огнем и мечом были разрушены дворцы Кносса и Феста. В XIII в. до н. э., с началом дорийского движения, начинается и движение ахейских племен, карийцев, филистимлян и других «народов моря» на соседние государства Малой Азии, на города-государства Финикии и на Египет.

Включение минойского периода, отождествляемого мной с ахейским периодом греческой истории, в указанные хронологические рамки подтверждается цитированным выше указанием Фукидида. Затем Фукидид в нескольких словах описывает состояние эллинов в непосредственно следующее за Миносом время: «Приморские жители владели уже большими средствами и потому крепче сидели на местах, а некоторые, разбогатевши, оградили себя стенами. Стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города. В таком состоянии эллины находились довольно долго, прежде чем они выступили в поход против Трои» (I, 8, 3—4). Если греческая историография датировала Троянскую войну временем около 1200 г., то установление длительности времени, предложенное Фукидидом для периода между правлением Миноса и походом на Трою, может быть легко согласовано с датировкой державы Миноса началом ахейского периода. Последнее событие определяется, как было выше указано, концом XV в. до н. э.

О том, что возникновение державы Миноса совпало с началом преобладания ахейских племен на Крите, свидетельствует еще один любопытный факт, на который историками в последние десятилетия не было обращено достаточного внимания. Я имею в виду название государственных рабов на Крите I тысячелетия до н. э. «мноитами». Последние, как известно, были рабами всей городской общины, в противоположность афамиятам, называемым также и кларотами, которые обрабатывали наделы отдельных граждан. Уже давно было высказано предположение, что термин «мноиты» надлежит поставить в определенную связь с именем Миноса. Они, надо думать, являлись «принадлежащими Миносу», т. е. рабами Миноса. Ахейцы, захватив власть на Крите, превратили часть покоренного населения в государственных рабов, в рабов своего царя Миноса, которые своим трудом должны были обеспечить существование господ.

Вопрос о «мноитах» Крита I тысячелетия до н. э. приводит нас вплотную к проблеме о законодательстве царя Миноса, которое засвидетельствовано не только у Платона в его «Законах», но и у такого эрудита в области древнего законодательства, каким был Аристотель. Последний в своей «Политике» (II, 7, 18) сообщает нам следующие весьма существенные данные по истории государственного устройства Крита: «Вероятно — да это подтверждается и преданием, — лакедемонское государственное устройство во многих своих частях явилось подражанием критскому. Дело в том, что жители Ликта (одного из городов Крита) были лакедемонскими колонистами; когда они отправились основывать колонию на острове, то нашли у тамошних жителей уже организованную систему законодательства. Поэтому-то и теперь еще перизки (являющиеся остатками древнего населения) пользуются его основами, после того, как Минос первый привел его в определенную систему». Следовательно, согласно Аристотелю, государственный строй Крита послужил образцом для древнего государственного строя Лакедемона. В другом месте своего труда (VII, 9, 2) Аристотель подчеркивает, что столь характерное для общественного

строю Лакедемона учреждение, как сисситии, были «на Крите введены в правление царя Миноса». Подобное утверждение Аристотеля о значении критского законодательства не может казаться историку невероятным после того, как в 1884—1885 гг. была откопана на месте древнего города Гортины огромная надпись VI в. до н. э., в которой был увековечен обширнейший из всех дошедших до нас законодательных памятников Греции. В этом ценнейшем эпиграфическом памятнике дорийского периода, несомненно, нашло отражение древнее законодательство ахейского периода, законодательство Миноса. Законодательство же Миноса в свою очередь, согласно свидетельству Аристотеля, не является делом его личного творчества. Он лишь привел существующие до него законы «в определенную систему».

Следовательно, и до Миноса на Крите существовало законодательство, и тем самым мы получаем указание на то, что и для карийско-филистимлянского периода истории Крита засвидетельствована попытка образования государства. Об этом говорит, как мы видели выше, и наличие тюрем в древних дворцах Крита, а также архивы с тысячами глиняных табличек, дававшими возможность контролировать хозяйство, которое не могло сложиться в условиях родового строя. Разрыв родовых связей на Крите в этот период подтверждает, наконец, возможность политического объединения большого количества общин центральной части Крита.

Если же действительно уже в карийско-филистимлянский период на Крите сложилось раннеклассовое общество, соответствующее древнейшему шумерскому рабовладельческому обществу конца IV тысячелетия до н. э., то мы уже не можем вместе с буржуазными историками видеть в разрушении дворцов Крита конца XV в. одно лишь внешнеполитическое событие. Несомненно, катастрофа, разразившаяся тогда над дворцами Крита, была обусловлена не только победоносным вторжением ахейских орд, но и восстанием, наряду с рабами, и массы непривилегированного населения, которое захватило «Крит, посреди виноцветного моря, прекрасный, тучный».

